

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Оформление серии *К. Гусарева*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 Заговор обреченных : [роман] / Галина Романова. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины).

ISBN 978-5-04-099118-1

Лиза чувствовала себя полной неудачницей, причем слово «полной» характеризовало ее больше всего. Из-за лишних ненавистных килограммов, наверное, и ушел от нее возлюбленный Павел, причем ушел ни много ни мало, а к ее начальнице Лане. Влиятельный отец просто купил для Ланочки очередную игрушку — теперь мужа, по брачному контракту. А теперь Лизе начальство подкинуло еще одну подлянку — нужно забрать у мастера эксклюзивный подарок для Ланы. Каково же было удивление Лизы, когда она обнаружила мастера убитым. Теперь Лизу обвиняют в этом преступлении...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2019
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

ISBN 978-5-04-099118-1

ЧАВА 1

Каждый вечер, засыпая, она видела себя утром на беговой дорожке стадиона. Всегда видела красивой.

Обтягивающие лосины с ярким спортивным принтом, специальная обувь, которая пружинит шаг, топ из плотной ткани, подтягивающей живот. Она делает несколько пробных шагов, потом отталкивается и бежит. Волосы развеваются, на щеках румянец, в наушниках любимая музыка. Ей хорошо!

Один круг, второй, третий.

Надо пробежать десять кругов. Кто-то внутри ее, очень строгий и требовательный, приказал ежедневно держаться именно этого порядка. И она должна следовать приказу. Каждое утро на беговой дорожке. Каждое утро десять кругов. Потом легкой трусцой до дома, он в двух кварталах от стадиона. За порогом квартиры скинуть с себя все вещи. Голой пройти в душ. Мыть тело, наливающееся упругостью, сплошное удовольствие. Такое тело не может не нравиться мужчинам. Они должны им любоваться, должны его желать,

Талина РОМАНОВА

любить. Должны провожать взглядами, когда она проходит мимо.

Так она думала каждый вечер, засыпая.

Просыпалась в половине шестого утра, молотила рукой по будильнику. Потом это повторялось еще дважды, каждые десять минут. С последним звонком, ровно в шесть, она вставала. С закрытыми глазами, еле волооча ноги, шла в ванную. Пускала воду, снимала пижаму, становилась под прохладные струи. Еще десяти минут ей хватало, чтобы окончательно проснуться.

Вода била по темени, сбегала по лицу, груди, животу, бедрам, исчезала в стоке. Она намыливала голову, лила на плечи ароматный гель для душа. Протягивала руку из-за шторы, дотягивалась до полки — там стоял прозрачный стаканчик с зубной пастой и единственной, ее, щеткой. Там же, в ванне, чистила зубы. Потом выпрыгивала на резиновый коврик для ног. Вытиралась, сушила волосы, небрежно красилась и шла в спальню одеваться. Потом на кухню пить кофе.

Ровно в семь она выходила и направлялась к машине. На высоких каблуках, с зажатой под мышкой сумочкой, в красивом офисном платье. Или в костюме. Или в юбке с блузкой. По настроению. И по погоде.

Осторожно расправив подол сзади, усаживалась в машину и через пару минут выезжала со стоянки. В семь десять раздавался телефонный звонок от подруги Маринки. Каждое утро она ждала ее на автобусной остановке в трех кварталах от ее дома. Маринку она подвозила всегда.

Свою машину Марина разбила год назад. Расплющила так, что восстановить не представлялось

• Заговор обреченных •

никакой возможности. Поклявшись себе накопить на новую, Марина ежемесячно спускала почти все заработанные деньги на тряпки и отдых.

— Алло, Лиза, едешь?

Этот вопрос она задавала каждое утро. В семь десять утра по московскому времени.

— Еду, — отвечала Лиза.

— На стэдике была? — И этот вопрос повторялся ежедневно.

— Нет. — Лиза мрачнела.

— Ненавидишь себя?

— Да. — Лиза кусала нижнюю губу.

— А зря! — восклицала подруга каждое утро. — Ты, Лизок, шикарная баба! Красивая, в теле.

— Заткнись, — обычно просила ее Лиза. Иногда добавляла: — Или поедешь на автобусе.

Марина послушно умолкала. Но, забравшись в машину, снова принималась болтать.

— Не понимаю, чего ты так паришься из-за лишнего килограмма.

Это говорил человек без грамма лишнего жира на костях.

— Из-за пяти.

— Что?

— Из-за пяти килограммов, Марина. И тебе об этом прекрасно известно. — Лиза тяжело вздыхала. — Не могу! Не могу, представляешь, проснуться в полшестого. Каждый вечер завожу будильник и... Бесполезно.

— Даже если бы ты проснулась. И пошла на стадион. И даже если бы отбегала десять кругов, ничего не изменилось бы. Твои килограммы вернулись бы потом за неделю. Стоит тебе сойти с дистанции — и все. Разве так не было?

Лалина РОМАНОВА

Было. Так уже было не раз и не два.

Она бегала, правильно питалась, худела почти на семь с половиной килограммов. Любила себя, уважала, гордилась собой. Ловила на себе заинтересованные взгляды мужчин. И любила за это себя еще больше. Но стоило проявить слабость, неделю не выйти на пробежку и начать поедать любимые сложные углеводы, как все возвращалось. Лишние килограммы мстили и оседали жирком в самых неожиданных местах. Лиза хныкала, злилась, становилась невыносимой.

— Понимаешь, Лизок, ты такая, какая ты есть. С большой грудью, округлой попкой, красивыми коленочками. Это ты! И ты прекрасна. Ты очень нравишься мужчинам. Многим мужчинам, — уточняла обычно Маринка.

— Мне не нужны многие. Мне нужен... — Лиза умолкала, чтобы не расстроиться окончательно.

— Да, да, понимаю. Тебе нужен тот самый, единственный на миллион подонков — подонок, который бросил тебя со странной мотивацией. Мне кажется, что эта тема давно закрыта, Лизок!

Эту тему они закрывали обычно каждое утро. Но она — подлая, кровоточащая — возвращалась снова и снова. А как?

Этот один-единственный на миллион подонков подонок работал с ней в одной фирме. И увольняться не собирался. Сидел в соседнем кабинете. Сталкивался с ней нос к носу за день раз по десять. Мог при этом восхищенно цокать языком, плясь на ее грудь. Мог нагло заглядывать в декольте. Мог запросто делать комплименты или отпускать сальные шуточки. То, что он полгода назад бросил ее и женился на дочке шефа, будто и не имело для

• Заговор обреченных •

него значения. И это будто не он разбил Лизе сердце и заставил чувствовать себя полной уродиной. Ей срочно надо что-то делать с ее жиром! Так он сказал, уходя из ее квартиры с вещами.

— В общем, так, подруга, — подводила черту под утренней встречей Марина, еще не выбравшись из машины окончательно и стоя одной ногой на асфальте. — Грядущие выходные обещают быть веселыми. Мой Макс возвращается из поездки.

Ее Макс возвращался из поездки раз в две недели. Плюс-минус пара дней. Его возвращение каждый раз ими бурно праздновалось. Постоянно какие-то новые знакомые Макса, которых он привозил с собой, тусили в Маринкиной квартире. Они жрали, пили, спали там. Скандалили с ее соседями, если те принимались ругать их за ночной шум. Прожигалось много денег. И это были не только деньги Макса. Маринкины деньги тоже таяли с катастрофической скоростью.

— Когда твой Макс от тебя устанет, ты останешься совершенно без средств, — предрекала Лиза, подбирая подругу по понедельникам на автобусной остановке. Внимательно вглядывалась в ее мутные глаза, замечала трясущиеся руки и добавляла: — И без здоровья.

— Чего это? — неуверенно возражала Марина, стараясь не дышать в сторону подруги перегаром.

— Ты сопьешься, дорогая.

— Ой, не начинай! — морщилась она. — Мы пьем только качественные напитки.

— И качественные напитки способны гадить печени.

И Лиза принималась воспитывать свою любимую подругу. Стыдила ее. И настоятельно совето-

Лилина РОМАНОВА

вала бросить этого парня с весьма и весьма сомнительной репутацией.

— Я его люблю, — неуверенно отзывалась Марина в таких случаях.

Сворачивалась в комочек на переднем сиденье и дремала всю дорогу до офиса. Расставались они в таких случаях холодно и не созванивались вечером. Лиза наказывала подругу за ее образ жизни, который — в чем она была уверена — был навязан ей Максом. Маринка не звонила, потому что просто-напросто отсыпалась после бурно проведенных выходных. Потом все как-то забывалось, и до следующего приезда непутевого возлюбленного Марины подруги прекрасно ладили.

И тут вдруг она снова о нем!

— И что с того, что твой Макс возвращается? — Лиза свела брови у переносицы, скользнув по сияющей подруге быстрым взглядом.

— Он возвращается не один. — Марина сладко улыбнулась.

— Какая новость! — фыркнула Лиза, прижимаясь к бордюрному камню, чтобы высадить подругу. — Он регулярно таскает к тебе в дом каких-то отщепенцев!

— Это не отщепенцы, Лизок. — Марина надула губы. — Это клиенты.

— Клиенты чего? Наркологического диспансера? — попробовала она пошутить.

— Лизок, ты не права, — проворчала Марина. — Так было, не спорю. Но уже пару месяцев Макс зарабатывает деньги. Вернее, мы с ним зарабатываем деньги на этих людях.

— На каких людях, Марина?

• Заговор обреченных •

Лиза слушала рассеянно. Сзади уже сигналили. Надо было отъезжать от бордюра, чтобы не создавать пробку.

— Каучсерфинг! — просияла подруга, выскаживаясь из машины. — Слыхала?

— И что?

— Так вот, мы с Максом этим теперь занимаемся, — крикнула Маринка, захлопывая дверь машины, и еще громче крикнула, прежде чем Лиза отъехала: — Это очень, очень, очень прибыльно!

Поймав в правом автомобильном зеркале поправляющую юбку Маринку, Лиза качнула головой и пробормотала:

— Вот дура! Подведет тебя твой Макс под монастырь.

Она забыла о них почти сразу, как въехала на автостоянку, принадлежащую их фирме. Перед ней маячил задний бампер машины дочери их босса. То есть жены ее бывшего парня, воспоминания о котором до сих пор терзали ей сердце. Зачем она здесь? К папе приехала? Мужа на работу привезла? Сама решила поработать, устав от безделья?

Лиза резко вывернула руль вправо, нажала на газ и чуть не снесла переднюю пассажирскую дверь джипа хозяйской доченьки. А вместе с дверью и своего бывшего возлюбленного. Он испуганно отпрянул, потащив на себя дверь. Краем глаза Лиза заметила его округлившиеся очи и указательный палец, вращающийся у виска.

Пошел к черту! В зеркало надо смотреть, прежде чем на улицу вываливаться!

Она загнала свою машину на привычное место. Глянула в зеркало, сокрытое в козырьке машины. И тут же приложила кончики пальцев к уголкам

Лилина РОМАНОВА

рта, пытаясь их приподнять. Горестной скобкой, предательской горестной скобкой складывался ее рот каждый раз, как она видела Пашу вместе с этой — его женой!

Вот что он в ней нашел, что? Худая до изнеможения, не то что некрасивая, даже несимпатичная. Короткие прямые волосы тусклого соломенного цвета. Бледное лицо, тонкие губы. И идиотская совершенно манера при разговоре постоянно трести ладонями с растопыренными пальцами, будто воду с них отряхивала.

Лиза вылезла из машины, выдернула свою сумку с заднего сиденья. Накинула ручки на плечо. Провела ладонью по бедрам, расправляя офисное платье нежнейшего оттенка серого, с вставками нежнейшего оттенка розового. Поставила машину на сигнализацию и пошла к входу в здание фирмы.

Джип хозяйской дочки уже укатил. Паша маялся на ступеньках. Видимо, ждал ее, чтобы отчитать. Он любил попользоваться своим положением приближенного. Любил подчеркнуть при случае, что он теперь не тот, что прежде. И с ним следовало считаться. А она — мерзавка — чуть не сбила его сегодня, чуть не снесла им дверь дорогой иномарки.

Что-то подобное читалось в его недобро мерцающем взгляде. Когда Лиза поравнялась с ним и кивком поздоровалась, Паша гневно прошипел:

— Совсем с катушек слетела, да, Егорова?

— Вы о чем, Павел Анатольевич? — Лиза попыталась обойти его слева.

— Ты чуть не врезалась в нашу машину.

Нашу!

Лиза еле сдержалась, чтобы не фыркнуть. Насколько ей, а также остальным сотрудникам фир-

• Заговор обреченных •

мы было известно, машина принадлежала папаше анемичной жены Павлика. А также дом, в котором жили молодожены. Фирма, в которой Павлик трудился. И еще многое-многое другое принадлежало тестю. И переписывать свое имущество на зятя тот совсем не собирался. Более того, ходили слухи, что Павлик подписал брачный контракт весьма кабального содержания. Почему он согласился его подписать, оставалось только догадываться. Но Лиза сильно сомневалась, что Павлик горячо и искренне любил невзрачную девушку.

— Никто не пострадал, — отозвалась Лиза и снова попыталась его обойти.

— Ты чуть не сбила меня, — странно плаксивым голосом укорил Павлик, не давая ей пройти. — Лана чуть с ума не сошла от беспокойства.

Ланой звали его жену.

— Не сошла же. — Лиза натянуто улыбнулась. — К тому же, Павлик, не мне тебя учить, что, прежде чем распахивать дверь и рот, надо посмотреть в зеркало заднего вида. Внимательнее надо быть, Павлик. Внимательнее.

— Мстишь мне, да? Мстишь? — воскликнул он. — Все не можешь никак простить, что я бросил тебя ради Ланы?

Почему ей почудилась в его возгласе надежда? Хотела ее слышать и придумала? Или все же он надеялся, что Лиза ему мстит, потому что не может забыть, потому что до сих пор его любит?

— Павел Анатольевич. — Лиза осторожно и вежливо убрала его руку с перил лестницы, чтобы пройти внутрь здания. — Не тешьте себя мыслью. Мне не за что вам мстить. Скорее могу

Лилина РОМАНОВА

поблагодарить вас за то, что сделали меня счастливой, оставив полгода назад в одиночестве.

— В смысле? — Его идеальные брови высоко взметнулись, сделав его великолепное лицо трогательно беспомощным. — Хочешь сказать, что ты без меня счастлива?

— Счастлива, Паша.

Лиза делано расхохоталась, запрокидывая голову так, чтобы распушенные волосы взметнулись волной за плечами. При этом надо было постараться устоять на высоких каблуках, не опрокинуться назад, не растянуться на горячем уже с утра асфальте. Надо было постараться не стать посмешищем.

У нее вышло. Пашкина мордаха сделалась совершенно растерянной. Он не знал, как на нее такую — сильную, счастливую, независимую — реагировать.

— Поздравляю, — буркнул он, отступая от входной двери в сторону. — Молодец, че! Счастлива, значит.

— Ага.

Лиза так широко улыбалась, что заболели мышцы лица. И в шею вступило. А по спине под платьем нежнейшего оттенка серого, вдоль ее позвоночника, чертил себе дорогу предатель пот.

Да плевать! Она впервые за полгода видит его таким подавленным. Впервые. Надо успеть додать. Успеть посеять в его душу зерна сомнения. Пусть принимаются. Пусть прорастают буйно. Пока Пашка, милый, славный, нежный, ее, только ее Пашка, снова не защитился от нее мантией хозяйского зятя, не опустил на лицо забрало новоиспеченного светского льва.

• Заговор обреченных •

Лиза ухватилась за ручку двери, распахнула ее, выпуская на волю прохладный офисный воздух. Шагнула внутрь. И вдруг ее будто подстегнули. Она обернулась, подмигнула Пашке с судорожной улыбкой и произнесла чудовищную ложь:

— Более того, Паша, я уже не одна.

ШАВА 2

Он не мог никак взять в толк, откуда у него возникло это странное ощущение, что за ним кто-то следит. Паранойя? Он сходит с ума? Или это от природного чудачества? Не просто же так над ним родственники посмеивались и с детства называли чудиком. В детстве чудик, в юности чудак, в зрелые годы сумасшедший. Так по схеме?

Вадим Тарасов откинулся на спинку рабочего кресла, задрал очки с носа на лоб и зажмурился.

Кресло было стареньким, с вытертой обивкой и истлевшим под обивкой поролоном. Никакого удобства для его уставшей спины. А спина у него уставала. Он целыми днями сидел, сутулясь над столом, создавая фарфоровые скульптурки.

Работа была не тяжелой и до недавнего времени совершенно никому не нужной. Так утверждала его бывшая жена, пересчитывая по нескольку раз его маленькую зарплату десять лет назад. Он всегда удивлялся ее потребности по нескольку раз перебирать в руках жалкие гроши, называемые зарплатой. Будто это помогло бы этой зарплате вырасти. Но это не помогало. И жена ушла. К рубчику мяса, который оставлял на суповом костном наборе чуть